

Ван Сюй вызвал скорую, но та приехала лишь через полчаса. Пострадавших доставили в ближайшую государственную больницу.

Вместе с медиками примчались и репортеры. Очевидно, эти охотники за сенсациями, надеявшиеся первыми выдать эксклюзив, даже не подозревали, что главные герои их репортажа уже выбыли из строя.

Когда видео в реальном времени разлетелось по сети, это вызвало настоящий переполох. Пользователи, которые еще недавно с пеной у рта доказывали, что подонок заслуживает смерти, мгновенно переобулись и поспешили откреститься от своих слов. А когда в больнице подтвердили, что у обоих лишь множественные переломы и их жизни ничего не угрожает, те же люди начали строчить, мол, Ван Цзянь просто испугался разоблачения, вот и потащил любовника бежать под проливным дождем, как трус. Переломы — это его расплата. Пусть детали того, что произошло на операционном столе, оставались туманными, но раз уж поднялся такой шум, кто-то обязательно должен был стать козлом отпущения.

Прямо как Лю Вэнь в прошлой жизни.

— Видишь, если умело пользоваться ножом, то порежешься только ты, — он вставил свежую веточку белой хризантемы в вазу на прикроватной тумбочке и с улыбкой посмотрел на Ван Цзяня. — Ну что, теперь больно?

Нога Ван Цзяня была сломана в аварии, сейчас ее подвесили на растяжку. Лицо тоже пострадало от осколков стекла и было забинтовано так плотно, что он походил на нелепую мумию.

Он невнятно пробормотал, пытаясь обвинить Сун Жуйчжи:

— Зачем ты пришел! Ты, животное!

Хоть говорил он и неразборчиво, зато громко. На крики прибежала медсестра, обходившая палату.

— Пожалуйста, тише, пациенту нужен покой.

Сун Жуйчжи кивнул медсестре, показывая, что понял. Ван Цзянь, увидев, что она собирается уходить, в панике попытался дотянуться до кнопки вызова врача. Ли Сюнь, лежавший на соседней койке, который до этого момента только и делал, что забивался вглубь одеяла, тоже начал отчаянно жать на кнопку.

Сун Жуйчжи вздохнул, прибавил скорость капельниц и с деланным сожалением произнес:

— Кого вы еще надеетесь позвать? Здесь ведь ни души.

Его улыбка становилась все шире, пока он не рассмеялся в голос. Этот смех послужил своего рода смертельным сигналом. Двухместная палата, где лежали Ли Сюнь и Ван Цзянь, вдруг изменилась!

Вместо больничной комнаты возникло мрачное, сырое операционное отделение, залитое кровью! Под крики Ван Цзяня и Ли Сюня теплые и мягкие постели превратились в холодные стальные операционные столы. Все исчезло: ни кнопок вызова, ни солнечного света, ни растений — лишь тьма, кровь и призрачные тени.

Неизменным оставался лишь Сун Жуйчжи, спокойно сидевший перед койками, да белая хризантема, которую он воткнул рядом.

— Узнаете? Крови, конечно, многовато, но вы ведь не настолько слепы, чтобы не понять, где находитесь.

На глазах у перепуганных мужчин он тщательно вымыл руки, надел перчатки и слегка постучал скальпелем по металлическому лотку.

— Давайте начнем.

Оба были намертво привязаны к столам. Ван Цзянь был в таком состоянии, что едва мог пошевелиться, а вот Ли Сюнь, напротив, проявил поразительную волю к жизни. Даже с пробитой головой он умудрялся вопить так, что стены дрожали.

— Не бойся, у меня отличная техника, будет больно всего секунду. — Он подошел к Ли Сюню, продемонстрировал остроту лезвия, а затем взмахнул рукой, вызывая из угла шатающуюся призрачную фигуру.

Дряхлый, отекший — это был У Чэншань.

— Иди, сделай укол этому господину в коконе. Как же я буду вскрывать ему грудную клетку без анестезии?

Ли Сюнь во все глаза смотрел, как окровавленный призрак, окутанный черной дымкой, приближается к Ван Цзяню с гигантским шприцем. Он взвыл так, что чуть не потерял сознание.

Сун Жуйчжи с легким раздражением повернул его голову к себе:

— Не ори сейчас так громко, а то сил на потом не останется.

Сказав это, он — не обращая внимания на Ван Цзяня, который был готов умереть от ужаса при виде У Чэншаня, — освободил руки Ли Сюня от ремней.

— Я виноват, правда, я виноват! Лю Вэнь, я не должен был связываться с Ван Цзянем... Бес попутал! Умоляю, отпусти меня!

Он был до смерти напуган происходящим. Система 546 в реальном времени докладывала Сун Жуйчжи о показателях раскаяния.

— Уже девяносто девять, скоро будет максимум.

— Скорее активируй карту, это же готовый вечный двигатель в клетке для хомяка. Давай закончим с этой мелкой операцией, и перейдем к следующему акту.

Говоря это, он начал аккуратно разрезать пальцы Ли Сюня один за другим. Как только выступила первая капля крови, Сун Жуйчжи мазнул ею по лбу парня.

— Прости, анестезии нет. Ты скоро поймешь, что значит боль, когда задеты нервные окончания пальцев.

Он с хирургической точностью рассек кожу и плоть, вычищая кровь. Под истошные крики Ли Сюня он поднял его изуродованную правую руку и кончиком скальпеля указал на свисающие куски мяса:

— Теперь осталось только срезать эту плоть, лишенную опоры костей.

Он погладил окровавленной перчаткой вспотевший от боли лоб Ли Сюня:

— Не бойся, это быстро. Как куриные лапки без костей, которые мы едим — теперь ты выглядишь в точности как они.

Ли Сюнь уже не мог говорить. Его женственное лицо исказилось от невыносимых мук, в глазах больше не было ни капли ненависти или отвращения к Сун Жуйчжи — остался лишь первобытный ужас.

— Не смотри на меня так, я ведь могу возгордиться. — Он бросил отрезанные пальцы в лоток и невинно добавил: — В конце концов, я просто хотел, чтобы ты сыграл для меня мелодию.

Он взмахнул рукой, снимая путы с Ли Сюня. Еще один взмах — и в залитой кровью комнате, среди призраков, из ниоткуда возникло пианино и камера, на которую Ли Сюнь обычно вел свои стримы.

— Играй. Аделину. Ты задолжал мне эту пьесу, пришло время расплатиться.

— Я не могу... у меня не получится, мои руки... они уничтожены!

— Не говори так, косточки-то на месте. Я ведь их не дробил. — Он приподнял липкий от пота подбородок Ли Сюня и, глядя прямо в глаза, чеканил каждое слово: — Или ты хочешь просто сдохнуть?

Разумеется, перед лицом смерти любое желание выжить пробуждает невероятную волю. Ли Сюнь сполз с операционного стола, подполз к пианино, и когда его дрожащие пальцы коснулись клавиш, взяв первую ноту, показатель раскаяния преодолел отметку в сто.

Сун Жуйчжи:

— Разве я не просил тебя активировать карту? Почему она уже полная?

546 тоже не удержался от жалобы:

— Ты так над ними издеваешься, что показатели раскаяния бьют фонтаном, я просто не успеваю обрабатывать данные.

Сун Жуйчжи подошел к Ван Цзяню и слегка полоснул скальпелем по его груди:

— В конце концов, это врач, который дал тебе наркоз, нужно быть вежливым. А вдруг он не проснется?

Дряхлая, отекая фигура У Чэншаня замерла за спиной Сун Жуйчжи, из горла мертвеца доносился звук, похожий на свист ветра в разбитом окне. Он стоял, словно верный каменный страж.

— Какую магию ты творишь! У Чэншань не умер, ты нашел эту тварь, чтобы запугать меня! Когда я поправлюсь, я тебя уничтожу!

— Какая еще тварь? Ты плохо разглядел? — Сун Жуйчжи подтянул гниющее лицо У Чэншаня к самому лицу Ван Цзяня и указал на зияющую дыру в груди призрака. — Видишь? Это ты проделал эту дыру. — Он успокаивающе погладил У Чэншаня по голове: — Не волнуйся, скоро у него будет такая же.

Он достал новый скальпель и улыбнулся:

— А теперь приступим.

Сун Жуйчжи начал операцию. Ван Цзяню ввели наркоз, но лишь местный. Поэтому он отчетливо чувствовал, как его постепенно вычищают изнутри. В агонии он лишился желудка, легких и сердца.

— Хм, легкие у тебя черноваты, не стоит так много курить. — Он удалил легкое и, словно угрожая, крикнул Ли Сюню: — Ты сфальшивил, будь внимательнее!

— Ты ведь не хочешь, чтобы я провел тебе процедуру на голодный желудок?

Разумеется, после такой угрозы мелодия стала звучать куда бодрее, а призраки вокруг начали раскачиваться в такт.

Когда Сун Жуйчжи извлек сердце, он, словно врач, болтающий с коллегой во время операции, небрежно заметил:

— Те следы на теле Ли Сюня — это твоих рук дело? Слишком небрежно, некрасиво. Нужно быть аккуратнее, как я.

Сказав это, под бодрую игру на пианино, он поднял аккуратно разложенные на лотке внутренние органы и показал их Ван Цзяню:

— Все твое. Посмотри, какие свежие и аккуратные.

Ван Цзянь смотрел на свои собственные внутренности в руках Сун Жуйчжи, мгновение молчал, а затем разрыдался и потерял сознание.

— Оу, отключился. — Сун Жуйчжи вывалил окровавленные органы прямо на него и с брезгливостью бросил: — Бесполезный.

На этом все было закончено. Он снял перчатки и бросил их в сторону, обратившись к Ли Сюню, который уже полчаса дрожал от напряжения:

— Сыграй еще раз. Если не ошибешься, я вас отпущу.

Он снова сел в то самое кресло:

— Постарайся. Если поторопишься, может, руки еще удастся спасти.

Бодрая мелодия зазвучала вновь, призраки закружились в танце. Сун Жуйчжи смотрел на дрожащую спину Ли Сюня и чувствовал, как последняя капля ненависти, оставшаяся от Лю Вэня, растворяется в этой музыке.

— Ты активировал карту, которую я просил приготовить?

546 сглотнул и почтительно ответил:

— Да, Карту Пожирания Снов.

— Значит, пришло время занавеса.

Черный туман снова начал сгущаться. Под аккомпанемент бодрой мелодии операционная вновь погрузилась во тьму. Призраки истлели в столах, и в конечном итоге остались лишь жалобный звук пианино и исполнитель, который не смел прекратить игру.

Действие Карты создания снов развеялось, и Сун Жуйчжи вернулся в ту самую больничную палату.

Он встал, поправил белые хризантемы в вазе и заботливо поставил рядом коробочку с куриными лапками. Убедившись, что все готово, он использовал Карту Пожирания Снов на Ли Сюне и, под молчаливое наблюдение 546, нажал на кнопку вызова.

По дороге домой из больницы 546 не проронил ни слова. Даже его привычная манера управлять машиной как самолетом куда-то делась. Сун Жуйчжи, глядя на загоревшийся впереди красный свет, понимающе сказал:

— Можешь спрашивать прямо.

546 проявил свою сущность на пассажирском сиденье и, глядя вперед, напряженно произнес:

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы выполнить задание.

— Разве для выполнения задания нужно было действовать именно так?

— Что значит именно так? Я ничего не делал, это был всего лишь кошмар, который может присниться каждому. Я ведь не разрубил их на куски по-настоящему.

546 промолчал, лишь молча прибавил скорость.

В одиннадцать тридцать две ночи Сун Жуйчжи лег в кровать, отмахнулся от беспокойной матери Лю Вэня и стал ждать перемещения.

В одиннадцать тридцать две и пятнадцать секунд Сун Жуйчжи покинул тело настоящего Лю Вэня и вернулся в свою прежнюю оболочку.

<http://bllate.org/book/21598/2226885>